

Трубицын Д.А.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

Аннотация: Предметом исследования являются криминологические особенности женской преступности коренных малочисленных народов севера (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа). Объектом исследования являются объем, уровень и структура данного вида преступности в общем объеме преступности в Ямало-Ненецком автономном округе. Особое внимание уделяется детерминантам женской преступности коренных малочисленных народов севера. В этой связи, в качестве общего вывода указывается, что решение вопросов профилактики и предупреждения женской преступности коренных малочисленных народов севера возможно через повышение уровня образования и трудовой занятости, преодоление социального пессимизма, ориентировании женщин к постановке будущих перспектив и позитивных приоритетов. Методологическую основу статьи составил диалектический метод научного познания. Проведенное исследование базируется на социологическом методе, что позволило определить объем, уровень и структуру женской преступности коренных малочисленных народов севера, а также выделить детерминанты данного вида преступности. Посредством метода правового прогноза был сделан вывод о том, что решение вопросов профилактики и предупреждения женской преступности коренных малочисленных народов севера возможно через повышение уровня образования и трудовой занятости, преодоление социального пессимизма, ориентировании женщин к постановке будущих перспектив и позитивных приоритетов. Основными выводами проведенного исследования является выделение криминологических особенностей женской преступности коренных малочисленных народов севера, в частности: зависимость криминальной активности женщин от уровня образования и трудовой занятости; в отличие от женской преступности в целом по стране, в структуре женской преступности из числа КМНС преобладают деяния, связанные с проявлением физического насилия; в сферу женской насильственной преступности КМНС вовлечены, как правило, лица из числа близкого окружения; значительным является количество случайных неосторожных преступлений женщин, что в свою очередь связано с условиями проживания и жизнедеятельности в тундровой местности; зависимость женской преступности от алкоголизации, при ослаблении социальных связей с семьей, где женщина выросла; преобладающее наличие детерминант преступности в сфере семейно-бытовых отношений.

Ключевые слова: Женская преступность, уровень преступности, структура преступности, детерминанты преступности, тундровая местность, уровень образования, трудовая занятость, алкоголизация, семейно-бытовые отношения, личность женщины-преступницы.

Abstract: The subject of this research is the criminological aspects of the female criminality among the indigenous people of the Far North. The object of this research is the volume, level, and structure of this type of criminality within the overall volume of criminality in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. A special attention is giving to the determinants of female criminality among the indigenous people of the Far North. As one of the general conclusions, the author states that solution to the question of prevention of female criminality among the indigenous people of the Far North is possible through increasing the level of education, lowering the rate of unemployment, overcoming social pessimism, and orientation of women towards setting positive priorities and goals for the future. The main conclusions of the conducted research consist in the highlighting of the criminological peculiarities of the female criminality among the indigenous people of the Far North: correlation between the female criminal activity and level of education and unemployment; in contrast to the nationwide female criminality, within the structure of female criminality among indigenous women of the Far North we can observe prevalence of crimes with elements of physical violence, usually involving family members or friends.

Keywords: Alcoholization, employment, education level, tundra, crime determinants, structure of crime, crime rate, female crime, family and household relations, identity of female criminal.

Как и преступность в целом, женская преступность имеет многофакторную природу. Вместе с тем, необходимость исследования женской преступности актуализируется возрастающим индексом ее жестокости, тенденцией роста, особенностями механизма детерминации. Указанные особенности характеристики женской преступности кроме девальвации семейных ценностей служат детерминантами подростковой преступности, в связи с чем, также нуждаются в последовательном анализе.

Поэтому вопросы женской преступности в настоящее время актуальны, как для российского общества в целом, так и для его отдельных социальных групп. Характерна эта проблема и для коренных малочисленных народов севера (далее – КМНС). О.Ю. Ильченко и А.А. Хорошилова отмечают, что «наиболее неблагоприятными регионами по уровню преступности женщин являются Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа. Данная ситуация является результатом взаимодействия нескольких факторов, основной из которых – удаленность территорий от центра, что в свою очередь, отражается на социально-экономической ситуации в регионах и обуславливает территориальную специфику женской преступности» [3, с. 67]. С этим выводом следует согласиться, так как преступность, являясь негативным видом поведения, не может быть не связана с природными, экономическими и культурными условиями жизни людей. Исследование преступности в различных регионах страны выявляет ее качественные и количественные характеристики в каждом из них, что свидетельствует о наличии территориальных различий.

Наиболее наглядно актуальность вопросов женской преступности характеризуют данные статистики органов внутренних дел о количестве зарегистрированных и расследованных преступлений. В 2014 году на территории Ямало-Ненецкого автономного округа зарегистрировано 9008 преступлений, 803 из которых совершены представителями аборигенного населения округа, при этом 158 преступлений из указанного количества – лицами женского пола [8]. Не ставя под сомнение данные официальной статистики, необходимо отметить, что приведенные сведения о динамике и половых различиях преступности все же носят относительный характер, так как приведены по нижней границе возможных показателей. Это обусловлено тем, что внесение в базы данных МВД сведений о национальной и половой принадлежности преступника осуществляется лишь после раскрытия преступления и установления лица, его совершившего. Учитывая, что уровень раскрываемо-

сти преступлений на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в 2014 году составил 56,3% от числа зарегистрированных, можно обоснованно предположить, что степень криминальной активности как КМНС вообще, так и женщин из их числа, выше официально зарегистрированного.

Количественные показатели преступности указанной категории лиц женского пола имеют устойчивый характер на протяжении ряда лет, что также свидетельствует о значительной криминальной пораженности женщин из числа КМНС и предопределяет поиск и апробацию новых форм предупреждения преступности таковых.

Некоторые авторы отмечают, что «женская преступность представляет собой часть общей преступности, совокупность преступлений, совершаемых женщинами. Эта преступность обладает определенными особенностями, связанными с социальной ролью и функциями женщины, образом жизни и профессиональной деятельностью, биологической и психофизиологической спецификой, а также с ее исторически обусловленным местом в системе общественных отношений» [1, с. 559]. Несмотря на практическую обоснованность, эти выводы не могут быть в полном объеме экстраполированы на женскую преступность народов севера.

Определенная инаковость женской преступности КМНС связана с национальными традициями и условиями быта, которые отличаются от привычных «штампов» повседневности и обусловлены условиями жизни, сформированной ею парадигмой отношений между женщиной и мужчиной, женщиной и микросредой. Не преследуя цели анализа этнокультурных особенностей народов севера, следует заметить, что во внутрисемейных и внутриобщинных отношениях женщины крайнего севера всегда имели жестко подчиненное по отношению к мужчине положение. При этом, помимо выполнения исконно женских хозяйственно-бытовых обязанностей, женщины принимают активное участие в традиционных формах хозяйственной деятельности вместе и наряду с мужчинами. Для женщин коренного населения севера характерны такие виды трудовой занятости, как «чумработница», «вёсельщица» и ряд других, которые в других регионах РФ не встречаются. Очевидно, именно эти различия в семейно-бытовых отношениях и сфере занятости, которые обязывают женщину отвечать жестким этнически обусловленным социальным запросам, влияют на механизмы детерминации совершения преступлений, а также обуславливают уголовно-правовую «окраску» преступности женщин из числа коренных малочисленных народов севера.

В своих исследованиях Е.Н. Парижская отмечает, что: структура женской преступности представлена преимущественно корыстными преступлениями, связанными с профессиональной деятельностью женщин [7, с. 906]. А.И. Долгова, в свою очередь, указывает, что «женская преступность отличается от мужской иным соотношением корыстных и насильственных преступлений. Среди выявленных лиц, совершавших насильственные преступления, некоторые виды должностных и хозяйственных преступлений, доля женщин значительно меньше доли мужчин и остается таковой на протяжении длительного времени» [5, с. 669]. Данные высказывания сформированы на основе анализа эмпирического материала и поэтому верны, однако, не применимы в разрезе преступности женщин из числа КМНС. Это разница с «общероссийской практикой» связана с тем, женщины народов севера в силу сложившегося национального менталитета имеют в основной массе низкий образовательный уровень, который является вполне достаточным для осуществления своих функциональных обязанностей в сфере быта и при осуществлении традиционных видов хозяйственной деятельности. Уровень и особенности образования сужают сферу возможной профессиональной деятельности женщины вне родовой общины. В условиях города и поселка женщины КМНС осуществляют низко и среднеквалифицированную трудовую деятельность, как правило, младшего и среднего персонала. Безусловно, имеются исключения, которые не образуют устойчивых тенденций и могли бы оказывать коррелирующее влияние на структуру преступности. По указанным причинам в структуре женской преступности КМНС отсутствует характерное доминирование корыстной преступности над насильственной, не имеют распространения квалифицированные по признаку должностного положения хищения, а также преступления, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий.

Особенностью женской преступности КМНС является доминирование преступлений с элементами физической агрессии. В 2014 году на территории округа зарегистрировано 59 убийств, из них 19 совершены представителями коренных народностей, четвертая часть из которых (5 преступлений), совершены женщинами. Значительная роль женщин прослеживается в совершении иных преступлений против здоровья, не связанных с лишением жизни потерпевшего, которые для этой категории лиц являются более распространенными.

В сферу женской агрессии в 95% случаев вовлечены члены их семей или лица из ближайшего окружения, имеющие с виновными постоянный контакт. Это связано с недостаточной интеграцией женщин в общественные отношения с представителями других социальных групп, семейной десоциализацией, продолжительной напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений, девальвацией семейных ценностей и рядом других факторов, находящихся в сфере быта. Сужение социальных контактов до внутрисемейных и родственных влечет уменьшение поля криминальной активности женщин до уровня своей микросоциальной среды, что обоснованно позволяет отнести женщин к категории бытовых преступниц. М.А. Кириллов указывает, что: бытовое преступление – это предусмотренное уголовным законом деяние, совершаемое в сфере бытовой жизнедеятельности людей по мотивам, возникшим на основе личностно-бытовых взаимоотношений виновного с потерпевшим и наносящее физический, моральный или материальный ущерб [4, с. 14]. Именно неудовлетворенность в сфере семейно-бытовых отношений является катализатором противоправного поведения, обращая спонтанную агрессию, как правило, на членов семьи, с редким ее распространением вне поля бытовых отношений на лиц ранее не знакомых и не состоящих с виновными в каких-либо отношениях.

Так, приговором Надымского городского суда 21.02.2014 гражданка Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.111 УК РФ. Рассмотрением дела установлено, что гражданка Г., распивала в квартире с мужем и сыном спиртные напитки. В процессе распития спиртного между гражданкой Г. и ее сыном гражданином С. возникла ссора на почве бытовых отношений, в ходе которой виновная, взяв нож, нанесла своему сыну три ножевых ранения, от которых он скончался в больнице [11].

Кроме этого, в структуре женской преступности КМНС, связанной с посягательствами на жизнь и здоровье, в силу определенных особенностей образа жизни, необходимо выделить, неосторожные деяния, связанные с причинением смерти или вреда здоровью по неосторожности или, так называемые, «случайные преступления». Ю.В. Голик отмечает, что «совершение преступления случайным преступником является своеобразным проявлением внутренней и внешней случайности. С одной стороны, случайный преступник является случайным именно потому, что совершенное им деяние противоречит основной направленности его личности. В тоже время случайный преступник обладает такими субъективными свойствами, которые под воздействием определенной

ситуации «срабатывают» таким образом, что он совершает преступление. Преступление, случайный характер которого определяется внешней средой, может совершить любой человек» [2, с. 25]. Изучение материалов уголовных дел о неосторожных преступлениях КМНС указывает на случайный характер преступления по отношению к обстоятельствам внешнего мира и окружающей среды, которые, при наличии в целом противоправного поведения, служат необходимыми условиями наступления общественно-опасных последствий.

Характерным в этом контексте является приговор Тазовского районного суда от 15.08.2012, в соответствии с которым гражданка О. осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Расследованием установлено, что гражданка О. небрежно отнеслась к исполнению своих родительских обязанностей. Она, осознавая возможность наступления опасных последствий для жизни своего малолетнего сына, который в силу возраста лишен возможности позаботиться о себе, положила сына в мягкую люльку из оленьих шкур, которую вместе с ребенком привязала посредине *нарт* (узкие длинные сани, предназначенные для езды на упряжках из северных оленей). Управляя нартами, запряженными оленями, в ходе движения по Гыданской тундре гражданка О. не справилась с управлением и допустила опрокидывание нарты на снег, весом которых люльку с ребенком придавило к земле. В результате неосторожных действий гражданка О. причинила сыну телесные повреждения не совместимые с жизнью [9]. Допущенная гражданкой О. неосторожность носила случайный характер, на что указывает отсутствие фактов привлечения гражданки О. к уголовной и административной ответственности, наличие навыков управления оленьей упряжкой, положительная характеристика по месту жительства.

Также структура женской преступности КМНС характеризуется распространенными в сегменте общей женской преступности: хищениями без квалифицирующих признаков; деяниями против семьи и детей; преступлениями порядка управления. При этом отличительной особенностью женской преступности КМНС является отсутствие в ее структуре преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что, в свою очередь, обусловлено национальным менталитетом и условиями проживания и жизнедеятельности в тундровой местности.

Специфическими особенностями обладает и личность женщины-преступницы из числа коренных малочисленных народов севера. Изучение

материалов уголовных дел свидетельствует о более позднем по сравнению с лицами мужского пола возрасте женского «криминального дебюта». Средний возраст женщин, впервые вступивших в конфликт с законом, – 23-35 лет. Это связано с традиционной сложившейся у КМНС системой внутрисемейных отношений. Женщины, как правило, совершают преступления вне поля подчиненности старшим в семье. Это происходит при направлении из мест компактного национального проживания на обучение представительниц младшего возраста, либо уже в собственной семье у женщин зрелого возраста. При этом в характеристике женщин-преступниц можно отметить устойчивую зависимость уровня образования, наличия постоянной трудовой занятости и их криминальной активности – чем ниже уровень образования и доходов, тем глубже криминальная зараженность.

В.Н. Бурлаков указывает, что «изучение личности женщин-преступниц позволило выявить два ведущих типа, отражающих совокупность черт и свойств, определяющих сущность и направленность преступного поведения. 1. Антисоциальный тип, который характеризуется отрывом от ценностно-нормативной системы общества, активностью в ситуации совершения преступления, комплексом антиобщественных взглядов, отражающих осознанную готовность к общественно-опасным деяниям. 2. Асоциальный тип – характеризуется антиобщественной направленностью пассивного вида, замещением утраченных ценностей, нарушением социальной адаптации, уходом от решения легитимными приемами жизненных проблем в пьянство и преступность» [6, с. 489-490].

Характеризуя женскую преступность коренных малочисленных народов севера можно констатировать, что среди лиц указанной категории преобладает асоциальный тип женщин, с наличием подтипа случайных преступниц. Данная категория лиц характеризуется социальной и моральной деградацией, примитивизмом потребностей, утратой интереса к семье и трудовой деятельности, сужением контактов со здоровой средой, систематическим употреблением спиртных напитков. В качестве иллюстрации данного вида преступниц из числа коренных малочисленных народов севера можно привести уголовное дело в отношении гражданки С., которая приговором мирового судьи Ямальского района признанной виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Из материалов дела следует, что в прошлом не судимая С., склонная к употреблению спиртных напитков, не работающая,

ранее лишенная родительских прав в отношении пятерых малолетних детей в ночное время 30.11.2013 г. в состоянии алкогольного опьянения находилась на улице поселка Панаевск Ямальского района со своей дочерью 2013 года рождения. Гражданка С., находясь на улице, при отрицательной температуре, заведомо осознавая, что ее малолетняя дочь, в силу своего возраста не может принять меры к самосохранению, оставила дочь на улице, после чего пошла к своим знакомым, где легла спать. Девочка через некоторое время была обнаружена случайными прохожими на улице и с признаками обморожения доставлена в Панаевскую врачебную амбулаторию [10].

Кроме этого, необходимо отметить, что для женщин данного типа характерно совершение преступлений в одиночку. Факты совершения групповых преступлений вместе с другими женщинами или мужчинами носят единичный характер.

Можно констатировать, что, в целом, детерминантный комплекс женской преступности коренных малочисленных народов Севера как отдельно взятой группы населения характерен для женской преступности в целом по стране и обусловлен происходящими на данном этапе развития общества социальными, экономическими и иными процессами, и находится в прямой взаимосвязи с ними. Вместе с тем, преступность коренного населения крайнего севера, по причине различия в образе жизни, воспитании, локальности проживания в условиях Крайнего Севера, способах социализации и традиционных видов хозяйственной деятельности, обладает своими характерными особенностями.

Так, социально-бытовой уклад семей коренных народов севера отличается отсутствием современных признаков феминизма, что характеризуется отрешенностью женщин от общественной жизни, замкнутостью в кругу семейных обязанностей. Поэтому приоритет в причинном комплексе женской преступности принадлежит тем обстоятельствам, которые формируются в условиях жизни в социальной микросреде. Невозможность либо пассивность в решении семейных и бытовых проблем, вместо социально одобряемых способов их решения, находит свое мнимое разрешение в конфликте с законом. А.И. Долгова отмечает, что «в семейно-бытовой сфере одним из наиболее распространенных поводов, приводящих к совершению преступлений, является пьянство» [5, с. 667]. Данная проблема, без каких-либо изъятий, характерна для женщин рассматриваемой категории. В 2014 году каждое из совершенных женщинами из

числа КМНС убийств совершено в состоянии алкогольного опьянения. При этом нужно отметить, что систематическое распитие спиртных напитков характерно для неблагополучных семей, с низким уровнем доходов, не занятых в осуществлении традиционных видов хозяйственной деятельности. Отсутствие активной вовлеченности в процесс общественной жизни и производственной деятельности способствует морально-нравственной деградации и размыванию социальной ответственности перед другими членами общества и семьи. В свою очередь, причинами корыстной преступности женщин является отсутствие стремления к получению профессиональных навыков, гарантирующих приемлемый уровень дохода, и, связанная с этим, невозможность легитимного удовлетворения материальных потребностей.

Другая значимая группа детерминант преступности анализируемого вида – это причины социально-психологического характера, истоки которых лежат в недостатках семейного воспитания, сформировавшейся на основе традиций и национальных вариантов поведения; «жизненной философии», которая в ряде случаев, связанных с поведением в быту и повседневной жизнедеятельностью выступает в качестве адекватного по выбору варианта поведения и его мотивации (о чем было указано при анализе неосторожных преступлений).

Таким образом, криминологическими особенностями женской преступности коренных малочисленных народов севера являются:

- относительно постоянные объем и уровень женской преступности;
- соотношение удельного веса женской преступности и мужской преступности КМНС в пользу женщин в среднем выше, чем по стране;
- зависимость криминальной активности женщин от уровня образования и трудовой занятости;
- в отличие от женской преступности в целом по стране, в структуре женской преступности из числа КМНС преобладают деяния, связанные с проявлением физического насилия;
- в сферу женской насильственной преступности КМНС вовлечены, как правило, лица из числа близкого окружения;
- значительным является количество случайных неосторожных преступлений женщин, что в свою очередь связано с условиями проживания и жизнедеятельности в тундровой местности;
- зависимость женской преступности от алкоголизации, при ослаблении социальных связей с семьей, где женщина выросла;

– преобладающее наличие детерминант преступности в сфере семейно-бытовых отношений.

В этой связи, в качестве общего вывода можно указать, что решение вопросов профилактики и предупреждения женской преступности коренных

малочисленных народов севера возможно через повышение уровня образования и трудовой занятости, преодоление социального пессимизма, ориентировании женщин к постановке будущих перспектив и позитивных приоритетов.

Библиография:

1. Бартасюк А.А., Червоненко С.В. Проблемы структуры и динамики женской преступности // Ученые заметки ТОГУ, 2013. Т.4. № 4. С.558-563.
2. Голик Ю.В. Случайный преступник: Монография. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 167 с.
3. Ильченко О.Ю., Хорошилова А.А. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3 (26). С.67-70.
4. Кириллов М.А., Мешкова А.В., Панченко П.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях: Монография. Н.Новгород-Чебоксары: НА МВД России, НФ ГУ-ВШЭ, ЧКИ РУК, 2010. 250 с.
5. Криминология. Учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.И. Долгова. М.: Инфра-М-НОРМА, 1997. 784 с.
6. Криминология: Учебник / под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. Н.М. Кропачева. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 520 с.
7. Парижская Е.Н. Состояние женской преступности в Российской Федерации на современном этапе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С.905-908.
8. Сайт УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс] URL: <https://89.mvd.ru/> (дата обращения: 20 марта 2015 г.)
9. Уголовное дело № 201102273/31 // Архив Тазовского районного суда за 2012 год.
10. Уголовное дело № 201302214/43 // Архив Ямальского мирового суда за 2014 год.
11. Уголовное дело № 201402151/38 // Архив Надымского городского суда за 2014 год.

References (transliterated):

1. Bartasyuk A.A., Chervonenko S.V. Problemy struktury i dinamiki zhenskoi prestupnosti // Uchenye zametki TOGU, 2013. T.4. № 4. S.558-563.
2. Golik Yu.V. Sluchainyi prestupnik: Monografiya. Tomsk: Izd-vo TGU, 1984. 167 s.
3. Il'chenko O.Yu., Khoroshilova A.A. Kriminologicheskaya kharakteristika zhenskoi prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2012. № 3 (26). S.67-70.
4. Kirillov M.A., Meshkova A.V., Panchenko P.N. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh v sostoyanii narkoticheskogo op'yaneniya v semeino-bytovykh i dosugovykh otnosheniyakh: Monografiya. N.Novgorod-Cheboksary: NA MVD Rossii, NF GU-VShE, ChKI RUK, 2010. 250 s.
5. Parizhskaya E.N. Sostoyanie zhenskoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 2. S.905-908.